

USTINKIN Sergei Vasil'evich, *Dr.Sci (Hist.)*, Dean of the Faculty of International Relations, Economics and Management; Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155; sv.ustinkin@gmail.com); Director of Volga branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000)

KUKONKOV Pavel Ivanovich, *Cand.Sci. (Soc.)*, Senior Researcher of Volga branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; kukonkov_pavel@rambler.ru)

MOROZOVA Natal'ia Mihailovna, *Cand.Sci. (Pol.Sci)*, Associate Professor of the Chair of International Relations and Political Science, Dobroljubov State Linguistics University of Nizhny Novgorod (31a Minina St, Nizhny Novgorod, Russia, 603155); Deputy Director of Volga branch of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (4 Holodnyi Lane, Nizhny Novgorod, Russia, 603000; 4379037@gmail.com)

LOCALITY OF SOCIAL TENSION IN RUSSIA

Abstract. The growth of social tension is a characteristic feature of the social processes taking place in modern Russian society. Due to the fragmentary study of the phenomenon of social tension, the forecasting of social conflicts is difficult. In the article the authors give definition of the concept of social tension, justify the focal character of its emergence and development. The authors suggest structural and dynamic indicators of social tension.

Keywords: social processes, social tension, social conflict, social contradiction

УДК 316.344

РЕУТОВ Евгений Викторович — кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutovevg@mail.ru)

ЗАХАРОВ Виктор Михайлович — доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; zakharov@bsu.eu.ru)

РЕУТОВА Марина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85; reutova@bsu.edu.ru)

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ

Аннотация. Социальное неравенство рассматривается как неодинаковый доступ индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без шансов на изменение ситуации. Восприятие неравенства детерминировано как социально-экономическими (доход, масштаб потребления, уровень жизни), так и ментальными факторами (представления о социальной справедливости, вера в возможность восходящей мобильности, внедрение в массовое сознание концепции социальной солидарности). Острота восприятия социального неравенства снижается по мере повышения уровня доходов основной массы населения, снижения уровня бедности, расширения возможностей для социальной мобильности.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, массовое сознание, восприятие неравенства, распределение доходов

Социальное неравенство является одним из неотъемлемых признаков и в то же время одной из серьезных проблем любого общества. Представители целого ряда социальных наук в течение сотен лет предпринимали множество попыток раскрыть функции и дисфункции неравенства, обосновать его неизбежный или временный характер, предложить способы его нейтрализации или смягчения. В целом, социальное неравенство связано с неодинаковым доступом индивидов и групп к системе социальных ресурсов, значимых для их существования, без существенных шансов на изменение ситуации.

В последнее время все большее внимание исследователей привлекает изучение восприятия неравенства — субъективной оценки людьми имеющихся в обществе различий в доступе тех или иных категорий населения к общественно значимым ресурсам — деньгам и имуществу, власти, образованию и т.п. Это становится важным в связи с тем, что неравенство влияет на социально-политический климат и самочувствие населения не столько само по себе, а в той мере, в какой оно оценивается людьми. Так, если в оценках значительной части населения имеющаяся в обществе дифференциация в доходах и доступе к другим благам воспринимается как чрезмерная, ухудшается социальное самочувствие, формируется недовольство существующей властью и возникает запрос (явный или латентный) на перераспределение доходов. Напротив, если неравенство воспринимается как приемлемое, достаточное для поддержания трудовой мотивации и недопущения «уровниловки», оно носит скорее функциональный характер, стимулируя индивидуальную мобильность и сдерживая иждивенческие настроения. Соответственно, «восприятие неравенства как избыточного и нелегитимного может вызывать недовольство граждан, усиливать их давление на власть, нарушать социальную стабильность, сплоченность общества, в то же время восприятие неравенства как недостаточного снижает трудовую мотивацию» [Монусова 2016: 53].

В современной социологической литературе социальное неравенство оценивается с разных позиций. Традиционные трактовки социального неравенства связаны с дифференциацией населения по признаку дохода и владения имуществом, обладания властью и другим объективным критериям, позволяющим построить достаточно четкую стратификационную схему. При этом отмечается, что неравенство в доходах существенно влияет на социальное здоровье населения, деградацию человеческого капитала, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на экономический рост. В описании причин высокого уровня экономической дифференциации немаловажное место занимает анализ специфики политических систем и режимов, формирующих институциональные основания такого неравенства [Воейков, Анисимова 2017]. В работах З.Т. Голенковой структура занятости населения рассматривается как фактор, влияющий на формирование и динамику среднего класса в России, на выбор адаптационных стратегий [Голенкова 2010].

С рассмотрением неравенства как комплексного явления, не сводимого исключительно к финансовым или властным ресурсам, в работах значительного числа социологов — как зарубежных, так и отечественных — предпринимается попытка экстраполировать проблему социального неравенства с макросоциального на микросоциальный уровень. Порождая на макроуровне социальное исключение, неравенство закрепляет у представителей социальных групп поведенческие паттерны и эмоциональные реакции, повышающие значимость микрогрупповой солидарности и ужесточающие социальные барьеры [Резаев, Трегубова 2014].

Неравенство в доступе к культурному капиталу формирует новые проявления неравенства, способствуя тем самым усилению социальной поляризации

[Бурдые 2007; Луман 2005; Habermas 1985]. Коммуникативный капитал, являясь аспектом культурного капитала, позволяет отдельным индивидам и группам доминировать в виртуальном пространстве социальных сетей [Рыков 2013]. Однако данный вывод можно в значительной мере экстраполировать и на все информационное пространство, которое все в большей степени замещает собой реальное.

В значительном числе работ постулируется значимость индивидуального и коллективного социального капитала (объем контактов, связей и отношений, позволяющих решать проблемы) для формирования и усугубления социального неравенства [Давыдова 2007; Тихонова 2004].

Социальное неравенство рассматривается, прежде всего, с точки зрения тех угроз и вызовов, которые оно несет социальному порядку, – ослабления гражданской идентичности, депривации и маргинализации значительной части общества, «заражения» ее экстремистскими идеями, роста конфликтности во всех сферах жизни общества [Возьмитель 2016; Горшков 2010; Осеев 2014].

Вместе с тем в большом числе работ обращается внимание на «нормализацию» проблемы социального неравенства в общественном сознании и утрату целостности представлений о социальной справедливости [Григорьев и др. 2014; Игнатова 2016].

Несмотря на то что любое общество, а во многих случаях – и малая группа представляют собой дифференцированные по ряду признаков общности людей, к ним далеко не всегда применима категория неравенства. Даже вертикальная стратификация по таким социальным признакам, как доход и власть, не всегда является примером социального неравенства. Большую роль в нейтрализации социального неравенства и более лояльном его восприятии играет социальная мобильность. В обществе, где есть возможности для вертикальной восходящей мобильности и люди ощущают ее позитивные последствия в виде роста доходов, повышения социального собственного статуса или статуса детей, отношение к неравенству более терпимое. Напротив, при отсутствии или неэффективности социальной мобильности терпимость к неравенству снижается, обостряя перераспределительные настроения [Монусова 2016: 58].

Для современной России проблема социального неравенства является острой по ряду причин. Во-первых, в силу объективно высокого уровня дифференциации населения по такому базовому критерию социального неравенства, как доходы и имущество. Во-вторых, по причине достаточно сильных уравнивательных установок в массовом сознании, исходя из которых сильный разрыв в доходах и имуществе воспринимается особенно болезненно. В-третьих, по причине сомнительной легитимности значительной части капиталов и их владельцев. В-четвертых, потому что в условиях атомизированного общества, каким, по большому счету, является российское, неэффективными или малоэффективными являются такие механизмы социальной поддержки, как сети взаимопомощи, в то время как соответствующие государственные институты полностью зависят от бюджетной политики, ориентированной на «оптимизацию» расходов.

Однако некоторые из этих факторов могут играть и обратную роль, не катализируя проблему социального неравенства, а, напротив, смягчая ее. Так, атомизация социального пространства неизбежно формирует у значительной части населения комплекс установок, связанных с ориентацией исключительно на свои силы. При этом вполне естественно, что и потери, и приобретения на жизненном пути приписываются людьми только своим собственным усилиям и достоинствам. Таким образом, распространение получает своего рода квази-

протестантская индивидуалистическая этика, ослабленная, однако, в регулятивном плане своим фактически нерелигиозным характером.

В конце концов, на уменьшение остроты восприятия проблемы социального неравенства влияет также его легитимация мейнстримной массовой культурой (прежде всего, кинематографом) с ее культом индивидуального жизненного успеха, силы одиночек и пр. В особенности данный тренд был характерен для второй половины XX в., хотя и в то время появлялось достаточно много произведений, в которых ставился вопрос цены такого успеха для личности и общества. За успех расплачивались утратой индивидуального смысла существования, распадом социальных связей, хаотизацией социального пространства и пр.

Нужно понимать также, что, несмотря на наличие устойчивых фреймов в массовом сознании россиян, оно все-таки меняется — в т.ч. в сторону утраты ряда традиционалистских черт и принятия характеристик, условно относимых к модерну. Ранее, в ходе анализа результатов регионального социологического исследования нами отмечалось, что, несмотря на сохранение в общественном сознании значительной доли традиционализма, высокой степени неприятия различных социальных отклонений и пр., происходит трансформация традиционалистских ценностей и практик в «современные» — с ведущей ролью индивидуализма, наращиванием потребительских потребностей и постепенным уходом от всеобъемлющего государственного регулирования [Реутов, Павлова, Тришина 2016].

Анализ динамического ряда социологических данных, полученных Левада-Центром в ходе 20-летнего мониторинга, свидетельствует, что такое проявление социального неравенства, как резкое расслоение на богатых и бедных, несправедливое распределение доходов, уже с начала нулевых годов перестало возводиться россиянами в ранг первостепенных социальных проблем. В 2001 г. лишь 26% опрошенных указали расслоение в доходах в числе наиболее острых проблем российского общества. Между тем еще в 1999 г. их доля составляла 45%. В публикациях российских социологов применительно ко второй половине 1990-х гг. отмечалось наличие достаточно ощутимой фрустрации из-за массового разочарования в неограниченном экономическом либерализме: «Произошло освобождение от некоторых иллюзий, которые разделяли если не большинство, то от одной четвертой до одной трети российского населения. Прежде всего, это представления об общественной пользе углубления неравенства, которые получили распространение в конце 80-х — начале 90-х годов» [Хахулина 1999: 31].

В дальнейшем доля респондентов, возводивших расслоение по доходам в ранг наиболее острых проблем, не увеличивалась свыше 33% (в 2013 г.) и на последний момент (август 2017 г.) составляет 25%¹.

Вместе с тем в разрезе отдельных регионов восприятие неравенства носит более острый характер. Так, по данным исследования О.А. Богатовой и Ю.С. Варламовой (Республика Мордовия, 2017 г.), 86,7% опрошенных согласны с тем, что различия в доходах населения России сейчас слишком велики. Скорее не согласны с этим или считают такое расхождение отчасти приемлемым только 12,5%. В целом наиболее значимыми для 70% респондентов выступают различия населения по доходам и разделение на богатых, бедных и средний класс. Социально-классовые различия волнуют 41,7% опрошенных. Более чем для трети участников опроса (35%) важны разграничения по доступу к власти и разрыв между населением и властью [Богатова, Варламова 2017: 93-94].

¹ Самые острые проблемы. Доступ: <https://www.levada.ru/2017/08/31/samye-ostrye-problemy-2/> (проверено 28.04.2018).

При этом очевидно, что восприятие поляризации населения по доходам и имуществу практически никак не коррелирует с объективными (насколько эта объективность может быть достигнута в рамках статистической методологии) данными о масштабах расслоения. Так, коэффициент Джини в 1999 г. составлял 0,400, в 2001 г. — 0,398, а в 2016 г. — 0,412¹. Вполне естественно предположить, что на восприятие массовым сознанием остроты проблемы основное воздействие оказывает фактор уровня жизни. С 2001 г. начался ощутимый рост среднедушевых доходов населения (и их покупательной способности), продолжавшийся с относительно небольшими поквартальными колебаниями до конца 2013 г. Соотношение среднедушевых доходов с величиной прожиточного минимума в 1999 г. составляло 183,2%, в 2001 г. — 205,2%, а в 2016 г. — 312,8%².

Таким образом, снижение остроты восприятия проблемы социально-экономического неравенства в течение нулевых — 2010-х гг. было связано не с объективным изменением ситуации с социальной поляризацией, но, прежде всего, с ростом уровня доходов и потребления базового слоя населения. Вряд ли можно говорить о ценностномприятии неравенства на сколько-нибудь массовом уровне. Так, начиная с конца 1990-х гг., достаточно заметно стала снижаться легитимность больших капиталов. Если в 1992 и 1996 гг. «ничего не имели против» того, что в стране появились люди, легально получающие миллионы, 18% респондентов, то в 1999 г. соответствующая доля составила уже 14%, к 2003 г. на волне устойчивого социально-экономического роста вновь увеличилась до 17%, а к 2015 г. сократилась до 11%. Соответствующим образом изменилась и доля противников наличия миллионеров. В 1996 г. она составляла 40%, в 2003 г. — 49%, в 2015 г. — 55%³.

Восприятие социального неравенства в значительной степени детерминировано сложившимися в обществе представлениями о социальной справедливости. Так, в американском обществе доминирует установка на то, что бедность есть следствие недостаточности усилий самого человека, в то время как для европейцев (россиян в том числе) бедность связана с неудачами и социальной несправедливостью [Alesina, Angeletos 2005].

Результаты исследования, проведенного в Белгородской области Институтом региональной кадровой политики (ИРКП) (декабрь 2016 г., $N = 1\ 200$), показывают, что среди основных социальных раздражителей на первых местах находятся проявления социального неравенства: разделение на богатых и бедных (его отметили 48,4% опрошенных) и неравенство возможностей (28,9%). Скорее всего, именно эти явления в существенной степени определяют высокий уровень неудовлетворенности населения реализацией принципа социальной справедливости в обществе. По результатам другого мониторинга ИРКП (2017 г., $N = 1\ 272$), реализацией данного принципа в России в целом удовлетворены лишь 43,9% респондентов (из них полностью — 8,7%), не удовлетворены — 46,6% (категорически — 13,9%); в области удовлетворены в целом 43,2% (из них полностью — 9,8%), не удовлетворены — 49,2% (категорически — 14,0%).

Таким образом, социальное неравенство (в котором наиболее заметным для массового сознания параметром является резкая поляризация доходов) продолжает оставаться наиболее ощутимым и устойчивым (фактически в 20-летней ретроспективе) источником социальной несправедливости для россиян.

¹ Российский статистический ежегодник. 2004. Доступ: http://www.gks.ru/bgd/regl/b04_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011500r.htm (проверено 28.04.2018); Российский статистический ежегодник. 2017. Доступ: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2017/year/year17.pdf (проверено 28.04.2018).

² Там же.

³ Неравенство и доходы. Доступ: <https://www.levada.ru/2015/07/14/neravenstvo-i-dohody/> (проверено 28.04.2018).

Острота восприятия данной проблемы снижается по мере повышения уровня доходов основной массы населения, снижения уровня бедности, расширения каналов социальной мобильности. Вполне возможно, что определенное влияние на массовое сознание оказывает также политическая риторика о необходимости солидаризации в условиях внешних угроз, о «национализации» элиты. Тем не менее именно социальное неравенство, наряду с атомизацией и аномией, остается одним из наиболее значимых и очевидных вызовов целостности социальной ткани российского общества.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 18-011-00474 «Ментальные неравенства как фактор социальной поляризации российской провинции» (рук. Е.В. Реутов).

Список литературы

Богатова О.А., Варламова Ю.С. 2017. Исследование субъективного восприятия социального неравенства населением республики Мордовия. — *Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов РФ*: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Саранск: Научный центр социально-экономического мониторинга. С. 91-96.

Бурдые П. 2007. *Социология социального пространства* (пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко). М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя. 288 с.

Воейков М., Анисимова Г. 2017. Социальный контекст экономического неравенства в России. — *Общество и экономика*. № 10. С. 95-117.

Возьмитель А.А. 2016. Социальное неравенство и его риски в советской и постсоветской России. — *Власть*. № 8. С. 5-13.

Голенкова З.Т. 2010. Социальная дифференциация и социальное неравенство населения. — *Вестник Тюменского государственного университета*. № 8. С. 162-168.

Горшков М.К. 2010. Социальные неравенства как вызов современной России. — *Вестник Института социологии*. № 1. С. 24-47.

Григорьев С.И., Миронова С.В., Мартынова М.Ю., Толстых Г.В. 2014. Социальное оправдание неравенства и проблема справедливости. — *Уровень жизни населения регионов России*. № 4. С. 73-83.

Давыдова Н.М. 2007. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств. — *Россия реформирующаяся*: ежегодник (отв. ред. М.К. Горшков). Вып. 6. М.: ИС РАН. С. 169-182.

Игнатова С.Н. 2016. Социальное неравенство как норма. — *Петербургская социология сегодня*. № 7. С. 281-302.

Луман Н. 2005. *Общество общества*. Книга 2. *Медиа коммуникации* (пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова). М.: Логос. 276 с.

Монусова Г.А. 2016. Чем определяется восприятие неравенства в доходах. — *Мировая экономика и международные отношения*. Т. 60. № 1. С. 53-67.

Осеев А.А. 2014. Социальное неравенство как фактор социальной напряженности в российском обществе. — *Вестник Московского университета*. Сер. 18. Социология и политология. № 2. С. 68-80.

Резаев А., Трегубова Н. 2014. Неравенство и социальное исключение в повседневном общении: теоретические основания и следствия для социальной политики. — *Журнал исследований социальной политики*. № 2. С. 181-194.

Реутов Е.В., Павлова О.А., Тришина Т.В. 2016. Социокультурная система

региона (социологический анализ). — *Среднерусский вестник общественных наук*. № 3. С. 28-37.

Рыков Ю.Г. 2013. Виртуальное сообщество как коммуникативное поле: неравенство и коммуникативный капитал. — *Журнал социологии и социальной антропологии*. № 4. С. 44-60.

Тихонова Н.Е. 2004. Социальный капитал как фактор неравенства. — *Общественные науки и современность*. № 4. С. 24-35.

Хахулина Л. 1999. Социальное неравенство в российском обществе: мнения и оценки. — *Мониторинг общественного мнения*. № 4(42). С. 27-31.

Alesina A., Angeletos G.M. 2005. Fairness and Redistribution. — *American Economic Review*. Vol. 95. No. 4. P. 960-980.

Habermas J. 1985. *Theorie des kommunikativen Handelns*. Bd. 2. Frankfurt am Main. S. 504-522.

REUTOV Evgeniy Viktorovich, *Cand.Sci. (Soc.)*, Associate Professor; Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutovevg@mail.ru)

ZAKHAROV Viktor Mihailovich, *Dr.Sci. (Soc.)*, Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; zakharov@bsu.edu.ru)

REUTOVA Marina Nikolaevna, *Cand.Sci. (Soc.)*, Associate Professor; Professor of the Chair of Social Technologies, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015; reutova@bsu.edu.ru)

SOCIAL INEQUALITY IN THE RUSSIAN SOCIETY: CHARACTER AND FEATURES OF PERCEPTION

Abstract. The article analyzes the factors of social inequality, which is considered as the unequal access of individuals and groups to the system of social resources that are significant for their existence, without the chances of changing the situation. The problem of social inequality in Russia is acute due to an objectively high level of poverty and differentiation of the population in terms of incomes and property, due to strong equalizing attitudes in the mass consciousness, and the questionable legitimacy of a large part of the capital and their owners. The perception of inequality is determined by both socio-economic and by mental factors. According to the data of all-Russian studies, a decrease in the acuteness of perception of the problem of socioeconomic inequality during 2000s-2010s was associated not with an objective reduction in social polarization, but primarily with the growth in the level of income and consumption of the basic stratum of the population. At present, social inequality, along with atomization and anomie, remains one of the most significant and obvious challenges to the integrity of the social fabric of Russian society.

Keywords: social inequality, social differentiation, mass consciousness, perception of inequality, income distribution
